Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (22), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+1(091)
ББК 87+83.3(2=411.2)5
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-45-56
https://elibrary.ru/JZXDVI

© 2023. Нина Ищенко
Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова, Луганск

Порфирий Петрович как Сократ в сюжете «Преступления и наказания»

© 2023. Nina S. Ishchenko
Lugansk State Agrarian University named by K.E. Voroshilov, Lugansk

Porfiry Petrovich as Socrates in the Plot of *Crime and Punishment*

Информация об авторе: Нина Сергеевна Ищенко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова, Городок ЛНАУ, д. 1, Артемовский район, 91008 г. Луганск, ЛНР.
https://orcid.org/0000-0001-8616-7087
E-mail: ninaofter@yandex.ru

Аннотация: Важная роль диалогизма в творчестве Достоевского позволяет привлечь для анализа персонажей философию Платона, другого признанного мастера философского диалога. В XX веке активно развивается драматическая парадигма изучения платоновской философии, в рамках которой особое внимание уделяется персонажам диалогов, времени, месту и обстоятельствам их проведения, что позволяет лучше понять глубину платоновской мысли. Тот же подход для прочтения текста поведения персонажей «Преступления и наказания» используется в статье.

В исследовании в рамках драматической парадигмы анализируются два основных персонажа романа — Раскольников и Порфирий Петрович. Показано, что их образы и взаимодействие строятся согласно основному платоновскому сюжету, то есть как беседа мудреца Сократа с молодым честолюбцем, заставляющая его отказаться от своих планов. Такой сюжет разрабатывается в нескольких диалогах Платона, и особенно ярко выражается в судьбе Алкивиада, знаменитого ученика Сократа. Алкивиад — известный в античной истории герой наполеоновского типа, легко переступающий через кровь ради своих целей. О таких людях пишет Раскольников в своей статье, привлекшей внимание Порфирия Петровича. Также Раскольников замечает, что подобные люди часто

гибнут в столкновении с обществом, что и случилось с Алкивиадом. Эти черты позволяют представить самого Раскольникова как Алкивиада в сюжете романа.

В ходе трех диалогов с Порфирием Петровичем Раскольников меняет свои взгляды, отказывается от своих притязаний и подчиняется закону. Таким же образом вел себя и Алкивиад после бесед с Сократом. Помимо этого основного драматического момента, Порфирий Петрович имеет ряд общих черт с Сократом: это его внешность, оборотничество и стремление к познанию человеческой души. Таким образом, Порфирий Петрович по образу, идеям и функциям выступает как Сократ этого сюжета, добивающийся перерождения молодого честолюбца с бóльшим успехом, чем его античный двойник.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Платон, Алкивиад, Сократ, философия, текст поведения, драматическая парадигма, диалогичность.

Для цитирования: *Ищенко Н.С.* Порфирий Петрович как Сократ в сюжете «Преступления и наказания» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 45–56. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-45-56

Information about the author: Nina S. Ishchenko, PhD in Philosophy, Lugansk State Agrarian University named by K.E. Voroshilov, Gorodok LNAU 1, Artemovsky district, 91008 Lugansk, LPR.

https://orcid.org/0000-0001-8616-7087

E-mail: ninaofter@yandex.ru

Abstract: The important role of dialogism in Dostoevsky’s work makes it possible to turn to the philosophy of Plato, another recognized master of philosophical dialogue, for the analysis of his characters. In the twentieth century, the dramatic paradigm of the study of Platonic philosophy is actively developing, and special attention is paid to the characters involved, time, place, and circumstances of the dialogues, as a possibility to better understand the depth of Plato’s thought. The same approach is used in the article to read the behavior of the characters in *Crime and Punishment.*

In this piece of research, two characters of the novel are analyzed within the framework of the dramatic paradigm: Raskolnikov and Porfiry Petrovich. It is shown that their images and interaction are built according to the main Platonic plot, that is, the conversation between the sage Socrates and a young ambitious man that is forced by him to abandon his plans. A similar plot is developed in several dialogues of Plato and is especially pronounced in the fate of Alcibiades, the famous disciple of Socrates. Alcibiades is a well-known “Napoleonic” hero in ancient history, easily stepping over blood for the sake of his goals. Raskolnikov writes about such people in the article that attracted the attention of Porfiry Petrovich. Raskolnikov also notes that such people often die in collision with society, which happened to Alcibiades. These elements allow us to consider Raskolnikov himself as Alcibiades in the plot of the novel.

During three dialogues with Porfiry Petrovich, Raskolnikov changes his views, renounces his claims, and obeys the law. Alcibiades behaved in the same way after his conversations with Socrates. In addition to this main dramatic moment, Porfiry Petrovich has several common features with Socrates, such as his appearance,

metamorphism, and the desire to know the human soul. Thus, in terms of image, ideas, and functions, Porfiry Petrovich acts as the Socrates of the plot, seeking the rebirth of a young ambitious man with greater success than his ancient counterpart.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Plato, Alcibiades, Socrates, philosophy, text of behavior, dramatic paradigm, dialogicality.

For citation: Ishchenko, N.S. “Porfiry Petrovich as Socrates in the Plot of *Crime and Punishment.*” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (22), 2023, pp. 45–56. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-45-56

Произведения русской классической литературы часто касаются философских вопросов, предлагая их решение как в идейной, так и в драматической форме. Достоевский в своих романах много занимается мировоззренческими смысложизненными вопросами, и анализ философских аспектов его творчества всегда оказывается продуктивен. Достоевский выстраивает драматургию сюжета так, чтобы не просто свести носителей разных точек зрения в диалоге, но и в действиях персонажей показать столкновение философских идей. Осмысление романа «Преступление и наказание» с позиций платоновской философии представляется особенно актуальным.

Анализ персонажей романа «Преступление и наказание» проводился неоднократно. Важнейшими аспектами анализа являются два направления — установление реальных прототипов героев и функция персонажа в развитии сюжета. По отношению к героям данной статьи нужно отметить в первую очередь В.Е. Ветловскую, обратившую внимание на И.Д. Путилина, начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции с момента ее основания в 1866 году, послужившего образцом для создания образа Порфирия Петровича [Ветловская, 2022]. Принцип двойничества в развитии сюжета романа анализирует Х.П. Манолакев [Манолакев, 2021]. В то же время интертекстуальный анализ найденных особенностей персонажей с привлечением платоновской философии системно не проводился, и в восполнении этого пробела заключается актуальность данного исследования.

Для исследования воспользуемся принципами семиотической персонологии, разработанной в тартусской научной школе. В статье А.М. Пятигорского и Б.А. Успенского о семиотических аспектах персонологической классификации особое значение придается проблеме узнавания, распознавания персонологического типа по

тексту, в том числе тексту поведения. Исследователи полагают, что критерии для соотнесения конкретного человека с персонологическим типом должен устанавливать не этот человек и не тот, кто с ним взаимодействует, пытаясь прочитать текст его поведения, а кто-то третий. Это значит, что семиотические нормы заданы заранее и только реализуются в конкретной ситуации [Пятигорский, 1967].

Применим этот подход для анализа двух центральных персонажей романа «Преступление и наказание», Раскольникова и Порфирия Петровича. В ходе своих диалогов и встреч герои стремятся разгадать друг друга, а взаимодействующий с текстом читатель оказывается должен прочесть текст поведения, опираясь на имеющиеся критерии отделения семиотически нагруженных и семиотически пустых признаков и действий персонажей. Покажем, что Ф.М. Достоевский предлагает в качестве таких критериев философию Платона, причем в ее наиболее современном драматическом прочтении, актуализировавшемся в XX веке, когда взаимодействие персонажей диалогов признается столь же важным для понимания философии мыслителя, как и речи этих героев [Прокопенко, 2013]. Применение драматического прочтения философии Платона к взаимодействию Раскольникова и Порфирия Петровича дает интересные результаты, к которым мы сейчас и перейдем.

Центральное место в романах Достоевского занимает диалог. Эту мысль М.М. Бахтин кладет в основу своей работы о Достоевском [Бахтин, 2017]. Помимо полифонического оформления системы голосов в романе, включенности разных персонажей в изложение событий, отказа от роли единого автора, знающего всё происходящее, Достоевский является мастером философского диалога как такового: основные философские и богословские идеи персонажи обсуждают между собой, ищут истину в беседе.

Такое место диалога в творчестве писателя заставляет читателя постоянно вспоминать о творчестве Платона, поднявшего жанр философского диалога на небывалую высоту. Специалисты знают, что Платон был не первым и не единственным философом, использовавшим диалог для выражения своих идей, но для широкой читающей публики именно Платон является признанным корифеем жанра, и отсылки к Платону в этой ситуации ожидаемы и естественны для читающей публики. Рассмотрим в таком контексте главных героев «Преступления и наказания» — Раскольникова и Порфирия Петровича.

Именно эти два персонажа ведут в романе диалоги, имеющие философский смысл. Они встречаются три раза, каждая встреча превращается в напряженный диалог, затрагивающий не только текущие вопросы обсуждения уголовного дела, но также философские и богословские аспекты преступления как такового. Перед нами поиск смысла, явленного в конкретных поступках, то есть то, чем занимался Сократ в диалогах Платона, обсуждая вопросы справедливости, лучшего государственного устройства и блага для человека. Весь этот круг тем так или иначе затронут в романе. Однако и помимо тематики диалогов драматическая составляющая романа вводит беседующих в самое сердце платоновского мира. Два главных действующих лица романа прямо отсылают к Алкивиаду и Сократу в диалогах Платона. Для обоснования этой мысли рассмотрим основную идею Раскольникова, определившую его философские взгляды и его поступки.

Теория Раскольникова, изложенная в его статье, внимательно прочитанной Порфирием Петровичем, говорит о двух типах людей: обычных, не выходящих за рамки общепринятых условностей, и выдающихся личностей, имеющих право переступать через мораль и проливать кровь. Среди людей этого второго типа Раскольников называет Ликурга, Магомета и конечно же Наполеона. По крайней мере двое из троих названных государственных деятелей — полководцы, кровью и железом изменившие жизнь своих народов. Как отмечает Б.Н. Тихомиров, Раскольников выстраивает линию всемирной истории, из которой исключены христианские государственные деятели и законодатели [Тихомиров, 2005, с. 290]. Однако в платоновском корпусе сочинений титанической личностью, ломающей все моральные и религиозные законы, был именно Алкивиад, ученик Сократа. Талантливый полководец, аристократ, красавец, стремящийся к власти любой ценой, переходивший на сторону врага и отважно боровшийся с политическими противниками, вовлекая в свою борьбу народы и царства, Алкивиад является именно такой личностью наполеоновского типа, для которой пролитие крови никогда не представлялось препятствием.

Кроме того, Раскольников придерживается того взгляда на происхождение государства, о котором говорит еще один платоновский персонаж алкивиадовского типа, Калликл. В диалоге «Горгий» Калликл доказывает, что государство, законы и моральные нормы созданы слабыми, которые боятся выдающихся людей и хотят об-

уздать их своей совокупной силой, явленной в создании общества [Платон, 2006]. Эту идею позднее развивал Ницше. Интересно, что она диаметрально противоположна марксистской теории государства, набиравшей популярность в российском обществе в эпоху Достоевского, о том, что государство — репрессивный аппарат, созданный буржуазией для подавления пролетариата, то есть сильными против слабых. И Калликл, и Алкивиад чувствуют, что государство их ограничивает ради массы не столь талантливых людей, заставляет их отказаться от своих честолюбивых замыслов. Как пишет Раскольников в статье, чаще всего масса в конце концов убивает таких сильных людей, что и случилось с Алкивиадом. Это еще одна нить, связывающая Раскольникова со знаменитым учеником Сократа.

Раскольников идет на убийство, чтобы проверить, принадлежит ли он сам к таким сильным личностям, ломающим моральные границы, проверить, Наполеон ли он. Входя в круг платоновских ассоциаций, следует сказать, что Раскольников хочет примерить на себя роль Алкивиада, то есть типологически занимает место Алкивиада в сюжете.

В результате диалогов с Порфирием Петровичем Раскольников отказывается от своей идеи, раскаивается и подчиняется закону. Хотя сюжет Достоевского глубже и имеет несколько планов, но формально допустимо пересказать его и в такой форме. В таком случае перед нами тот результат диалогов с Сократом, на который не раз обращает внимание Платон: после беседы с босоногим мудрецом собеседник растерян, сбит с толку, понимает, что он ничего не знает и вынужден отказаться от своих прежних взглядов, которые он совсем недавно так уверенно защищал. То же самое происходило и с Алкивиадом. Еще в античности стало общим местом, что пока Алкивиад общался с Сократом, он забывал о своих честолюбивых замыслах и подчинял свою натуру справедливости и закону. Аналогично и Раскольников после бесед с Порфирием Петровичем подчиняется закону и отказывается от своих идей. Эта роль Алкивиада, которую играет Раскольников, заставляет искать сократические черты и в его собеседнике. Для этого рассмотрим внешность и манеру действия Порфирия Петровича, как его показывает Достоевский.

Внешность Порфирия Петровича при первом его появлении в тексте, когда Раскольников и Разумихин приходят к нему домой, описывается следующим образом:

«Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях. Это был человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, полный и даже с брюшком, выбритый, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей нечто гораздо более серьезное, чем с первого взгляда можно было от нее ожидать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 191].

В этом описании обращает на себя внимание низенький рост, брюшко, акцент на глаза, курносый нос. Все эти черты отмечают уже древние авторы в облике Сократа. Как резюмирует античные описания Р. Светлов, «мы видим невысокого человека, грузного, с вполне заметным животом. Хотя, как нам свидетельствует об этом Ксенофонт, каждое утро Сократ совершал “плясовую” зарядку, дабы хоть немножко уменьшить свой живот, он, очевидно, никогда не стремился обрести стать Аполлона. При этом Сократ не “такой же как все”, его облик будет выделяться и в толпе. Учитель Платона походил то ли на силена Марсия, то ли на ската, то ли на что-то ракообразное. Вот несколько “самопрезентаций” Сократа из Ксенофонтова Пира: его глаза видят не только вперед, но и “вкось, так как они навыкате”, и потому похожи на рачьи, зато могут видеть больше, чем глаза других людей. У него “не мешающий зрению” приплюснутый нос, а его ноздри “раскрыты вверх, вынюхивая запах со всех сторон”» [Светлов, 2015, с. 170].

Итак, по внешности Порфирий Петрович — типичный Сократ, как его представляют читатели диалогов Платона и Ксенофонта, не погруженные глубоко в проблемы иконографии античных философов. Внешность не является случайной, что подтверждается идеями Порфирия Петровича.

Накануне последней, решающей встречи с Раскольниковым Порфирий и Родион Романович обмениваются знаменательными репликами, где дважды повторяется одно и то же выражение, занимающее центральное место в философии Сократа:

«— Ничего-с, ничего-с... — почти радостно подхватил Порфирий. — Я и сам-то-с... Ядовитый характер у меня, каюсь, каюсь! Да вот мы увидимся-с. Если Бог приведет, так и очень, и очень увидимся-с!..

— И окончательно познаем друг друга? — подхватил Раскольников.

— И окончательно познаем друг друга, — поддакнул Порфирий Петрович и, прищурившись, весьма серьезно посмотрел на него» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 272].

Познание самого себя — важнейший императив деятельности Сократа. В диалогах Платона Сократ неоднократно обращается к этой теме. Рассуждения на тему «Познай самого себя» можно найти в диалогах «Хармид», «Алкивиад I», «Протагор», «Федр», «Филеб», «Законы» и других. Именно к познанию себя Сократ постоянно подталкивает своих собеседников, на эту цель направлена вся сократовская эленктика, то есть очищение разума от ложных мнений, и его апории, показывающие противоречивость некритично принятых идей [Протопопова, 2019].

Познание себя означает познание человека, самой человеческой сущности. В диалоге человек может познать себя, познавая собеседника, соотнося свои взгляды с его идеями, и соответственно переосмысливая свои основания. Познание друг друга — указание на диалогическую природу самопознания, которая даже в случае внутренней речи разворачивается как диалог с внутренним собеседником, что первым отметил именно Сократ. В диалогах Платона место этого внутреннего собеседника занимает Сократ. Появление темы познания человека накануне решающего диалога двух главных персонажей не является случайным. Читатель, знакомый с творчеством Платона, узнает его главную идею и может предвидеть, что произойдет далее.

Как же Порфирий Петрович ведет диалог, что он делает в беседе? Во всех трех диалогах Порфирий предстает разным, он то добродушен и простоват, то страшен и непонятен. Сначала это добрый родственник Разумихина, лучшего друга Раскольникова, к которому друзья зашли домой, чтобы не тащиться в полицейскую контору по пустяковому делу. Довольно скоро Раскольников понимает, что Порфирий — опытный следователь, опасный враг, многое знающий, многое скрывающий, прячущий свои мысли и играющий с собеседником.

В этом аспекте можно оценить и интересное замечание В.Е. Ветловской о том, что Порфирий, как его прототип Путилин, а также современник и литературный коллега Шерлок Холмс, использовал в своей практике переодевания и умел перевоплощаться. В.Е. Ветловская обосновывает идею о том, что мещанишка, сидевший у Порфирия в закрытом кабинете и обвинивший Раскольников в убийстве — это сам Порфирий. И действительно, Порфирий и мещанишка ни разу не оказываются перед Раскольниковым (и перед читателем) одновременно, а поскольку Порфирий сам говорит, что не в своем лице давно следит за Раскольниковым, это очень подходящая кандидатура среди персонажей романа [Ветловская, 2020].

Итак, постоянные переходы от добродушия к завуалированной угрозе, а также переодевания и маскировка показывают два лица Порфирия, заставляют вспомнить тему оборотничества, обратить внимание на Сократа-силена.

В своих исследованиях «Пира» И.А. Протопопова подробно анализирует метафору силена в «Пире». Силен — это воспитатель Диониса, дородный, веселый, вечно пьяный. Но Алкивиад сравнивает Сократа не столько с ним, сколько с полыми фигурками силенов. «Эти фигурки похожи на наши матрешки, но разница в том, что в них “внешнее” и “внутреннее” оказываются полными противоположностями: снаружи “безобразное”, а внутри — “прекрасное”. Алкивиад противопоставляет не только силенообразную внешность Сократа и его внутренние “сокровища”, но и речи Сократа; они, говорит Алкивиад, таковы же, как он сам: снаружи похожи на “шкуру гюбриста сатира”, а внутри в них присутствуют “изваяния богов”». Автор приходит к выводу, что с помощью метафоры силена Платон удивляет читателя игрой противоположностей, что позволяет читателю подняться с уровня логических противоречий на новый уровень осмысления [Протопопова, 2015, с. 419].

Таким же образом двоится и Порфирий Петрович. Добродушный знакомый и беспощадный следователь, он доводит Раскольникова до срыва и добывает от него признания, но сразу же после этого делает всё, чтобы помочь подследственному. Только благодаря показаниям Порфирия, представившего всё так, словно у него не было улик против подследственного и явка с повинной вызвана искренним раскаянием, Раскольников получил всего восемь лет за два убийства. Между тем улики у Порфирия были, хотя Достоевский об этом и не говорит прямо.

Как показывает В.Е. Ветловская в своем исследовании, Достоевский обычно не проговаривает прямо то, о чем читатель легко может догадаться. Порфирий говорит Раскольникову, что делал обыск в его комнате, когда Родион лежал в бреду, и что-то нашел. Это замечание не получает дальнейшего развития. Проверив свою комнату, Раскольников находит в камине и в кровати обрывки своих вещей, измазанных кровью. Он помнит, как хотел их сжечь или спрятать, но не помнит, чтобы делал это, причем автор также не показывает читателю, чтобы Раскольников делал это. Вещи лежат в пустом камине нетронутые, и Раскольников успокаивается и делает вывод, что их никто не видел. Но мог ли Порфирий это упустить? Порфирий уже при первой встрече знал, что Раскольников — убийца, поскольку имел точные доказательства. Психологическое давление, которого не вынес Раскольников, имело целью как получить признание, необходимое в работе следователя, так и пробудить совесть убийцы, дать ему возможность найти свою веру и начать всё сначала (см.: [Ветловская, 2020]).

Каким бы ни был Порфирий во взаимодействии с Раскольниковым, добрым или злым, сатиром или мудрецом, его стратегия оказалась оправдана. Оборотничество Порфирия, его двойственность погружают Раскольникова в апории, очищают его душу и приводят к внутреннему перерождению, заставляют полностью измениться. Можно утверждать, что как в своих методах, так и в своих целях Порфирий повторяет Сократа.

Таким образом, можно сделать вывод, что в романе «Преступление и наказание» разрабатывается базовый сюжет платоновского мифа о Сократе: диалог мудреца-силена с честолюбцем, приводящий к духовному перерождению младшего из собеседников. Роль честолюбца в этом сюжете исполняет Раскольников, в роли Сократа выступает Порфирий Петрович. Порфирий Петрович внешне похож на Сократа, известного читателям диалогов Платона: низенький, с брюшком, курносый, с необычным взглядом. Порфирий организовывает диалоги с Раскольниковым так, чтобы тот пришел в замешательство, понял несостоятельность своих идей. Апорийность, парадоксальность образов Порфирия, его идей и его поведения ведут собеседника к познанию самого себя и к выбору правильного пути в последующей жизни.

Список литературы

1. Бахтин, 2017 — *Бахтин М.М.* Избранное. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. Т. 2: Поэтика Достоевского / сост. Н.К. Бонецкая. 512 с.

2. Ветловская, 2020 — *Ветловская В.Е.* Логическая основа художественного текста, или Что скрывает Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского? // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 239–259. DOI 10.15393/j9.art.2020.7262.

3. Ветловская, 2022 — *Ветловская В.Е.* Прототипы героев Достоевского: пристав следственных дел Порфирий Петрович и не только // Словесность и история. 2022. № 4. С. 68–102. DOI 10.31860/2712-7591-2022-68-102.

4. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

5. Манолакев, 2021 — *Манолакев Х.П.* Порфирий Петрович и Раскольников: герменевтика двойничества // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 50–62. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-04.

6. Платон, 2006 — *Платон.* Горгий // *Платон.* Сочинения: в 4 т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. С. 261–374.

7. Прокопенко, 2013 — *Прокопенко В.В.* Нарратологический поворот и становление драматической парадигмы в платоноведении // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, № 3. С. 28–33.

8. Протопопова, 2015 — *Протопопова И.А.* Платоновский «Пир» как силен и андрогин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 4. С. 418–423.

9. Протопопова, 2019 — *Протопопова И.А.* Сократ как «сущность» и «метод»: эленхос и апория // Платоновские исследования. 2019. Т. 11, № 2. С. 83–98. DOI 10.25985/PI.10.2.04.

10. Пятигорский, 1967 — *Пятигорский А.М., Успенский Б.А.* Персонологическая классификация как семиотическая проблема // Труды по знаковым системам. Вып. III. Тарту, 1967. С. 7–29.

11. Светлов, 2015 — *Светлов Р.В.* Сократ в пространстве античного воображения // ΣΧΟΛΗ. 2015. Т. 9, № 1. С. 169–184.

12. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

References

1. Bakhtin, M.M. *Izbrannoe* [*Selected Works*], vol. 2: Poetika Dostoevskogo [Dostoevsky's Poetics]. Ed. by N.K. Bonetskaia. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. 512 p. (In Russ.)

2. Vetlovskaia, V.E. "Logicheskaia osnova khudozhestvennogo teksta, ili Chto skryvaet Porfirii Petrovich v 'Prestuplenii i nakazanii' F.M. Dostoevskogo?" ["The Logical Basis of a Literary

Text, or What Does Porfiry Petrovich Hide in F.M. Dostoevsky's *Crime and Punishment*?"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 18, no. 1, 2020, pp. 239–259. (In Russ.) http://doi.org/10.15393/j9.art.2020.7262

3. Vetlovskaia, V.E. "Prototipy geroev Dostoevskogo: pristav sledstvennykh del Porfirii Petrovich i ne tol'ko" ["Prototypes of Dostoevsky's Characters: Bailiff for Investigative Cases Porfiry Petrovich and Others"]. *Slovesnost' i istoriia*, no. 4, 2022, pp. 68–102. (In Russ.) https://doi.org/10.31860/2712-7591-2022-68-102

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

5. Manolakev, Kh.P. "Porfirii Petrovich i Raskol'nikov: germenevtika dvoinichestva" ["Porfiry Petrovich and Raskolnikov: Hermeneutics of Doubles"]. *Filologicheskii klass*, vol. 26, no. 4, 2021, pp. 50–62. (In Russ.) https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-04

6. Plato. "Gorgii" ["Gorgias"]. *Sochineniia v 4 tomakh* [*Works in 4 vols*], vol. 1. Ed. by A.F. Losev and V.F. Asmus; trans. from Ancient Greek. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2006, pp. 261–374. (In Russ.)

7. Prokopenko, V.V. "Narratologicheskii povorot i stanovlenie dramaticheskoi paradigmy v platonovedenii" ["Narratological Turn and the Formation of the Dramatic Paradigm in Platonic Studies"]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 14, no. 3, 2013, pp. 28–33. (In Russ.)

8. Protopopova, I.A. "Platonovskii 'Pir' kak silen i androgin" ["Plato's *Symposium* as Strong and Androgynous"]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 16, no. 4, 2015, pp. 418–423. (In Russ.)

9. Protopopova, I.A. "Sokrat kak 'sushchnost'' i 'metod': elenkhos i aporiia" ["Socrates as 'Essence' and 'Method': *elenchos* and *aporia*"]. *Platonovskie issledovaniia*, vol. 11, no. 2, 2019, pp. 83–98. (In Russ.) https://doi.org/10.25985/PI.10.2.04

10. Piatigorskii, A.M., and Uspenskii, B.A. "Personologicheskaia klassifikatsiia kak semioticheskaia problema" ["Personological Classification as a Semiotic Problem"]. *Trudy po znakovym sistemam*, issue III, 1967, pp. 7–29. (In Russ.)

11. Svetlov, R.V. "Sokrat v prostranstve antichnogo voobrazheniia" ["Socrates in the Space of the Ancient Imagination"]. ΣΧΟΛΗ, vol. 9, no. 1, 2015, pp. 169–184. (In Russ.)

12. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus! Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebriannyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.04.2023
Одобрена после рецензирования: 06.05.2023
Принята к публикации: 10.05.2023
Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 05 Apr. 2023
Approved after reviewing: 06 May 2023
Accepted for publication: 10 May 2023
Date of publication: 25 Jun. 2023